

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Николай Антипин

Русско-японская война

и манипуляции памятью

Русско-японская война – сложная страница в истории России XX века: вынужденная, затратная, неудачная кампания стала внешнеполитическим фоном для масштабных внутренних процессов. В первое десятилетие после ее завершения российское общество искало варианты встраивания этой войны в историческую память: возводились памятники, строились храмы, издавались

многомные подробные труды, общество стремилось осмыслить понесенные жертвы. Предполагалось, что крупнейшим памятником погибшим героям русско-японской войны станет храм Христа Спасителя в Санкт-Петербурге, получивший наименование «Спас на водах» за выразительную мозаику по рисунку художника Николая Бруни «Спаситель, шествующий по воде». В петербургском

*Николай II принимает парад
после освящения храма Спаса
на водах. 1911 год*

храме Христа Спасителя, также как и в московском, возведенном в честь Отечественной войны 1812 года, были помещены доски с именами погибших моряков. Так в рамках православной традиции они получили последний земной приют. Планировалось также построить храм в память о воинах сухопутной армии, для чего учредили специальный комитет, но строительство так и не было начато.

Русско-японская война породила огромный поток публикаций источников личного происхождения, который был остановлен только началом Первой мировой войны. К 1916 году в России появилось около 430 публикаций (с переизданиями) воспоминаний и дневников участников войны. Их авторами чаще всего выступали военные, преимущественно офицеры, врачи, сестры милосердия, журналисты. В отличие от официальных сообщений, воспоминания и дневники описывали фронтовой быт глазами очевидцев, а литературная обработка придавала произведениям еще большую привлекательность, несмотря на цензурные ограничения. Многие авторы и издатели подчеркивали свое стремление предо-

*Спаситель шествующий по воде. Мозаика
храма Спаса на водах по рисунку художника
Николая Бруни*

ставить читателю и потомкам правдивую и беспристрастную картину событий. Пожалуй, одним из самых ярких и лаконичных воплощений стал трагичный вальс Ильи Шатрова «На сопках Маньчжурии», он выразил в музыке боль за понесенные потери и бессмысленность кровопролития.

После 1917 года русско-японская война оказалась «на обочине» исторической памяти, тогда она представ-

лялась иллюстрацией «преступлений царского режима». Историк Михаил Покровский в учебниках русской истории попытался создать новое прошлое для молодого государства, он предложил концепцию, согласно которой проигранная война превратилась во благо, в трактовке войны врагом оказались не японцы, а самодержавие, тем самым был девальвирован подвиг русских солдат и матросов.

Культурный поворот 1930-х годов нивелировал ленинскую революционную риторику и запустил процесс реставрации традиционных, героических, значимых символов. Напряженная обстановка на дальневосточной границе, военные конфликты с Японией спровоцировали пересмотр образа русско-японской войны. Все началось с «Краткого курса», работа над образом продолжилась в учебниках, исторической и художественной литературе. Первоначально была реабилитирована русская армия, а война постепенно превратилась в оборонительную. Вопрос поражения большевиков решился при помощи новой концепции «войны на два фронта»: русская армия сражалась с внешним врагом — японцами, а революционеры с внутренним — самодержавием. И те, и другие в этом случае оказались на одной стороне исторических баррикад. Затем начался процесс героизации кампании. Так как война была проиграна, то идеологи, историки, писатели сосредоточили свое внимание на выделении наиболее ярких героических эпизодов войны: сражение в порту Чемульпо, оборона Порт-Артура, Цусимское сражение. Великая Отечественная война активизировала этот процесс.

Для канонизации образа Русско-японской войны большое значение имела победоносная Советско-японская война. Иосиф Сталин в своей речи 2 сентября 1945 года по случаю капитуляции Японии предложил новую интерпретацию русско-японского конфликта: «Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в февра-

ле 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота... Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение... Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил». Так появилась концепция «долгой войны»: русско-японская война началась в 1904 году и закончилась победой России в 1945 году. В этом случае Портсмутский мирный договор и его последствия представлялись ничтожными, а Иосиф Сталин приобрел ореол победителя, который исправил ошибки царского правительства.

Однако одной речью, пусть даже эту речь писал и произносил Иосиф Сталин, невозможно изменить течения в безбрежном море исторической памяти. Историческая память живет благодаря коммеморативным практикам — праздникам, юбилейным мероприятиям, памятникам, художественной литературе, театральным постановкам и кинофильмам, учебникам истории.

Большое значение имела художественная литература — это был эффективный механизм манипуляции историческими образами. В 1930-е — начале 1950-х годов в СССР появилось несколько произведений, посвященных русско-японской войне. Они прочно вошли в «short-list» советского читателя. Самыми популярными среди них были романы «Цусима» Алексея Новикова-Прибоя и «Порт-Артур» Александра Степанова, пре-

терпевшие множество переизданий, их тиражи достигли миллионов экземпляров, а авторы произведений вошли в число советских классиков.

Алексей Новиков-Прибой был участником войны, в 1899 году его призвали на флот, он оказался в составе экипажа броненосца «Орел», попал во 2-ю Тихоокеанскую эскадру, вместе с которой принял участие в драматичном сражении у островов Цусима в Японском море. В 1932 году вышла его книга «Поход» (первая часть романа «Цусима»). Читатели высоко оценили роман и ждали его продолжения. «Ваши произведения зачитываются почти все колхозники от мала до велика», — писал в 1933 году Василий Ефремов, член правления колхоза «Москва» Октябрьского района Татарской республики. В 1934 году издана вторая книга, озаглавленная «Бой». С публикацией романа работа над ним не закончилась. До самой смерти в 1944 году писатель продолжал дополнять «Цусиму» и усиливать героическую линию. Присуждение в 1941 году Алексею Новикову-Прибою Сталинской премии II степени за вторую книгу «Цусимы» показательны. Именно вторая книга романа содержит описание боя и примеры героизма русских моряков.

Биография автора другого популярного романа о русско-японской войне — «Порт-Артур» требует особого внимания. Александр Степанов умело создал миф о себе и придумал собственную историю жизни, которая отчасти обеспечила успех его главного произведения. В советской литературе, в предисловиях к сочинениям и энциклопедиях многократно воспроизводилась биография писателя: родился в семье военного, обучался в Полоцком кадетском корпусе, вместе с семьей в Порт-Артуре, с отцом пережил осаду крепости в 1904 году, участник Первой мировой войны. Став известным писателем, он неоднократно рассказывал о своей жизни в Порт-Артуре в годы войны. Однако теперь известно, что капитан Николай Степанов никогда не служил в Порт-Артуре, но служил

в Новогеоргиевской крепости на реке Висле. Александр Степанов сам имел богатый боевой опыт, за Первую мировую войну он получил пять орденов и Георгиевское оружие. Возможно, одним из мотивов «редактирования» биографии было стремление подражать Алексею Новикову-Прибою.

Александр Степанов начал работать над своим романом, когда все зачитывались «Цусимой», выходящей в начале 1930-х годов в журналах и отдельными книгами. В 1940 году в Краснодаре вышел первый том «Порт-Артура», в конце 1941 года опубликован второй том романа. В 1943 году роман прочитал Иосиф Сталин, который порекомендовал переработать и сократить текст, особенно любовную линию, и переиздать большим тиражом. Писателя вызвали в Москву и в ЦК ВКП (б) предложили ему в течение двух недель подготовить роман «Порт-Артур» для полного и массового издания. Александр Степанов справился с заданием, и вскоре произведение было опубликовано, при этом с обложки исчезло слово «роман», но появилось «историческое повествование», предложенное «главным редактором». В истории с романом «Порт-Артур» проявилась практичность сталинского мышления. 1 декабря 1943 года закончилась Тегеранская конференция, на которой обсуждался вопрос о вступлении СССР в войну с Японией после заключения мира в Европе, в этой ситуации роман Александра Степанова оказался актуальным и идеологически полезным.

Роман «Порт-Артур» приобрел не меньшую популярность, чем «Цусима». Прочитавшие роман называли его «шедевром современной литературы», «крупнейшим произведением социалистического реализма». Заведующая районной библиотекой в Калужской области в январе 1945 года писала, что у нее в библиотеке только один экземпляр романа, а спрос на него велик, его читают вслух, на чтение очередь. Успеху романа способствовало присуждение его автору в 1946 году Сталинской премии I степени.

Писатель Константин Симонов в своих размышлениях, не предназначенных для печати, писал по этому поводу: «Этот очень интересный факт подтверждает утилитарность сталинского взгляда на исторические произведения... В сорок втором или в сорок третьем году Сталин мог вполне сказать об этой нравившейся ему книге (роман «Порт-Артур». — *Н.А.*): нужна ли она нам сейчас? Нужно ли было, особенно до начала сорок третьего года, до капитуляции Паулюса в Сталинграде, напоминание о падении Порт-Артура? А в 1946 году Сталин счел, что эта книга нужна как нечто крайне современное, напоминание о том, как царь, царская Россия потеряла 40 лет назад то, что Сталин и возглавляемая им страна вернули себе сейчас».

Для более широкого распространения, внедрения сформированных образов тема Русско-японской войны должна была найти отражение на киноэкране. В начале 1947 году на экраны советских кинотеатров вышел фильм «Крейсер "Варяг"». В процессе работы над фильмом режиссер картины Виктор Эйсымонт выступил на радио с рассказом о своей работе. Он отметил, что выбор сюжета для фильма произвел сам народ, который сочинил песню, посвященную «Варягу», а сценарист и режиссер лишь воплотили это на экране. «Наша кинокартина "Песнь о 'Варяге'" не будет историческим фильмом в строгом значении этого слова. Уже само название "Песнь" в известной мере определяет жанр и, хотя сценарий в основе не уклоняется от исторических фактов, в нем таится песенный, былинный, чуть легендарный строй. Народная память всегда избирает то, что надо запомнить. Народ выбрал из истории Русско-японской войны "Варяга" и сложил о нем победную песню. Сценарий идет за песней, ибо в ней великая правда», — отметил режиссер.

В конце 1946 года состоялось обсуждение фильма на представительном художественном совете министерства кинематографии. Участники

заседания согласились, что картина своевременна и важна своим патриотическим и героическим наполнением. Кинорежиссер Иван Пырьев посоветовал переделать бой: «Все есть, но нет апофеоза, нет этого взлета, чтобы "Варяг" остался в истории, в памяти у каждого зрителя и у народа, чтобы он воскрес, чтобы все видели, что это был за "Варяг"». Худсовет поставил создать комиссию под председательством кинорежиссера Всеволода Пудовкина, которая должна была помочь режиссеру доработать ленту.

Через два месяца, 26 февраля 1947 года, фильм под новым названием «Крейсер "Варяг"» вышел в прокат. За первые десять дней его посмотрели 490 тысяч зрителей. Это были самые низкие показатели среди новинок того времени, например, фильм «Девушка моей мечты» посмотрело 632 тысяч человек, «Адмирал Нахимов» — 721 тысяч человек, «Во имя жизни» — 764 тысяч человек. О качестве фильма говорит и тот факт, что позднее «Крейсер "Варяг"» не попал в активный фонд.

Несмотря на замечания критиков, кинолента получила высокую оценку власти. Одновременно с прокатом фильма проходили заседания комитета по присуждению Сталинских премий. В апреле 1947 года комитет по Сталинским премиям рассматривал номинантов, фильм «Крейсер "Варяг"» даже не упоминался. Однако в итоге картина получила премию второй степени в номинации «Художественная кинематография». В этом фильме передается упрощенный вариант войны. Русские воины — это матросы, офицеры, капитаны судов. В их образе нет пренебрежительных оценок постреволюционного периода. Все они — герои. Образ русского воина дополняется эпизодами проявления героизма матросов непосредственно в бою. Примечательно, что режиссер неоднократно подчеркивает единство команды «Варяга». Например, когда командир корабля Всеволод Руднев проходит по спящему кораблю, среди матросов, проявляя заботу о них. Другой офицер проводит вечер пе-

ред боем с матросами, помогая написать им письма родным, и исполняет вместе с ними песню «Степь да степь кругом...». Один из офицеров говорит: «Знамя — это благословение родины. Это напоминание о том, что палуба под нашими ногами есть не что иное, как клочок родной земли». Таким образом, битва в порту Чемульпо — это защита отечества, а не акт империалистической войны. Рядом со слабо выраженным образом врага возникает третья сила — английские, итальянские, французские и американские корабли, позволившие японцам напасть на русские корабли.

Одновременно с выходом фильма началась работа над театральной постановкой романа Александра Степанова «Порт-Артур». В 1946 году драматург Иван Попов и автор романа, опираясь на сочинение последнего, написали пьесу «На Тихом океане». В преддверии 50-летия русско-японской войны по этой пьесе во многих театрах СССР были поставлены спектакли, получившие название «Порт-Артур». В 1953—1954 годах его премьеры состоялись в театрах Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Челябинска, Магнитогорска, Николаева, Новосибирска и, по-видимому, в других городах.

Решением комитета по Сталинским премиям спектакль «Порт-Артур» Малого театра был выдвинут на первую премию, однако Сталинские премии больше не вручались. Генерал и участник русско-японской войны Алексей Игнатьев написал рецензию на спектакль. В своей рецензии он высоко оценил постановку Малого театра, в отличие от самого романа: «Известно, что самым верным показателем театральной неудачи являлась во все времена, и при всех жанрах, — скука. Но на данном спектакле, начиная с лихой мазурки на балу у коменданта крепости и до трагического конца, то есть объявления о сдаче японцам этим же комендантом русской твердыни, какой считался Порт-Артур, — ни одной минуты скуки».

Окончательная «реабилитации» кампании произошла в связи с 50-лет-

нием юбилеем, который отмечался в СССР в 1954 году. Тогда по всей стране разыскивали участников сражений в Маньчжурии и Японском море. Постановлением президиума ЦК КПСС признавалось целесообразным награждение матросов крейсера «Варяг» и назначение им персональной пенсии. Указом Верховного Совета СССР пожилые ветераны японской кампании были отмечены медалями «За отвагу», им была назначена пожизненная персональная пенсия в размере 600 рублей в месяц. Всего в 1954—1955 годах награждено 50 матросов с крейсера «Варяг».

Война с Японией прочно вошла в героический раздел русской истории, в исторической памяти на первый план вышло сражение крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японским флотом у Чемульпо, на второй план отошли — оборона Порт-Артура и Цусимское сражение. Изучение исторической памяти приводит к выводу, что прошлое, представления социальных групп о своей истории — это подвижные и изменчивые конструкции. Содержание образов важнейших исторических событий и значение символов во много зависит от современных социокультурных условий, политической и идеологической конъюнктуры. Изменчивость культурной памяти говорит о важности истории для общества и отдельных социальных групп. Через конкретные образы прошлого легитимируется настоящее. При этом объективных представлений о прошлом не существуют.

*Николай Александрович Антипин,
историк, архивист,
кандидат исторических наук,
заместитель директора
Объединенного государственного
архива Челябинской области,
доцент Южно-Уральского государственного
университета (Челябинск).*